

Викентий Вересаев

Записки врача

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-311.6
ББК 84-4
В31

В31 **Вересаев В.**
Записки врача / Викентий Вересаев – М.: Книга по Требованию, 2013. –
312 с.

ISBN 978-5-458-23774-1

«Я буду писать о том, что я испытывал, знакомясь с медициной, чего я ждал от нее, и что она мне дала». В 1901 году увидела свет книга молодого врача-писателя Викентия Викентьевича Вересаева (1867-1945) «Записки врача». Она имела сенсационный успех, выдержала 14 изданий и была переведена на все европейские и на японский языки. Несмотря на то, что предлагаемое издание выпущено всего лишь через год, оно является уже четвёртым по счёту. Сразу после выхода вокруг книги разгорелись жаркие споры. Передовая медицинская общественность, в частности деятели земской медицины, горячо восхищались книгой, одобряли и поддерживали высказывания своего коллеги. Выдающийся ученый и врач В. А. Манассеин, которого называли «совестью русской медицины», отмечая некоторые преувеличения, допущенные автором, указывал, что «Записки врача» написаны «тепло, правдиво, талантливо». Другие, в том числе большинство частно практикующих врачей, резко осуждали книгу, считая, что автор излишне пессимистичен, дискредитирует врачей, предъявляет к ним завышенные требования. Переживания начинавшего свою деятельность врача, трудности, доводившие его до отчаяния, несоответствие между тем, к чему его готовили, и тем, что он увидел в жизни, - обо всем этом рассказано в «Записках врача» ярко и откровенно. Сложные проблемы, возникавшие перед молодым врачом, автор рассматривал не с узкопрофессиональных позиций. Остро, талантливо говорил он о задачах и возможностях медицинской науки, стремился правдиво показать положение врача в обществе, его взаимоотношения с больными и здоровыми, его моральные обязательства перед ними. Книга заставляла и заставляет думать, искать ответ на поставленные в ней вопросы.

ISBN 978-5-458-23774-1

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, кляксы, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

это систематическое замалчиваніе сдѣлало и продолжаетъ дѣлать очень недобroe дѣло: благодаря ему, нѣтъ самого главнаго,—нѣтъ той общей атмосферы, которая была бы полна сознаніемъ неразрѣщенности этихъ вопросовъ и сознаніемъ наущной, неотложной надобности ихъ разрѣшенія. Вопросы рѣшаются въ одиночку и втихомолку, вкривь и вкось, а чаще всего заглушаются безъ всякаго разрѣшенія. По поводу моихъ „Записокъ“ мнѣ приходилось слышать отъ врачей возраженія, которые я положительно не рѣшаюсь привести,—до того они дики и профессионально-эгоистичны; а слышать ихъ мнѣ приходилось отъ многихъ. Я думаю, подобные возраженія могутъ выплывать лишь изъ того непрогляднаго, безгласнаго мрака, въ которомъ мысль начинаетъ шевелиться, лишь вилотную натолкнувшись на вопросъ; и трудно ждать, чтобы при такихъ условіяхъ вопросъ былъ охваченъ сколько-нибудь широко.

Мнѣ говорятъ: если вы считали необходимымъ поднять ваши вопросы, то почему вы не приѣгли къ специальной врачебной печати, зачѣмъ вы обратились съ этими вопросами къ профанамъ? Разрѣшить ихъ профаны, все равно, не въ состояніи, и имъ совсѣмъ даже не слѣдуетъ знать о существованіи этихъ вопросовъ.

. Въ средніе вѣка одинъ вормскій врачъ, Ресслинъ, издалъ свой медицинскій трудъ не на латинскомъ языке, какъ тогда было въ обычай, а на нѣмецкомъ; вполнѣ сознавая всю возмутительность такой „профанації“ своей науки, онъ въ предисловіи извинялся въ этомъ передъ читателями и убѣдительно просилъ ихъ получше прятать его книгу, „чтобъ она не попала въ руки непосвященнымъ“, и чтобъ такимъ образомъ бисеръ не метался передъ свиньями“.

Времена эти давно миновали; специальная печать пользуется теперь исключительно роднымъ

языкомъ, доступнымъ и понятнымъ вся кому „непосвященному“. Напиши я свои „Записки“ хотя бы и менѣе популярно, опубликуй я ихъ въ специальномъ изданіи, — все равно, общая пресса извлекла бы изъ нихъ на вольный свѣтъ все „интересное“; разница была бы только та, что она придала бы фактамъ свое собственное освѣщеніе, — можетъ быть, невѣрное и невѣжественное.

Впрочемъ, суть дѣла не въ этомъ; суть вотъ въ чёмъ: почему профанамъ не слѣдуетъ знать о существованіи указываемыхъ вопросовъ? Кто далъ кому право опекать профановъ? Пускай публикуютъ свои „записки“ судья, учитель, литераторъ, адвокатъ, путеесъ, полицейскій приставъ. Если мнѣ скажутъ, что мнѣ, какъ профану, вредно знать изнанку всѣхъ этихъ профессій, то я отвѣчу, что я не ребенокъ и что я самъ въ правѣ судить, что для меня вредно.

Узнавъ правду, профанны могутъ потерять довѣріе къ врачамъ и медицинѣ... Какой это старый-старый, негодный, и все-таки всѣми признаваемый способъ, — предписывать молчаніе, изъ боязни, чтобы правда не поколебала авторитетъ! Какъ будто есть такой крѣпкій ящикъ, въ которомъ можно нагло запереть правду! Какими обручами ни оковывай ящикъ, онъ неудержимо разъѣдется по всѣмъ скрѣпамъ, и правда поползетъ изъ щелей, — обезображенная, отрывочная, раздражающая своею неполнотою и заставляющая предполагать все самое худшее. Врачи тщательно оберегаютъ публику отъ всего, что могло бы поколебать въ ней вѣру въ медицину. Ну, и что же? Сильна въ публикѣ вѣра въ медицину? Не подхватываетъ она всякую самую чудовищную сплетню о врачахъ, не предъявляетъ она къ врачамъ самыхъ нелѣпыхъ обвиненій и требованій?

Для пользы *даннаго момента* иногда по необходимости приходится обманывать тяжелаго больного;

но общество въ цѣломъ—не тяжелый больной, и минутную ложь нельзя возводить въ постоянное правило. Одно изъ двухъ: либо правда можетъ уменьшить вѣру въ медицину и врачей потому, что медицина по самой своей сути не заслуживаетъ подобной вѣры,—въ такомъ случаѣ правда полезна: ничего неѣть вреднѣе и ничего не несетъ съ собою столько разочарованій, какъ преувеличенная вѣра во что-нибудь. Либо, во-вторыхъ, правда можетъ колебать вѣру во врачей потому, что указываетъ на устранимые, но не устранимые темные стороны врачебного дѣла,—въ такомъ случаѣ правда *необходима*: если темные стороны будутъ устраниены, то вѣра опять появится, пока же онѣ не устраниены, то полной вѣры и не должно быть. Повторю здѣсь то, что я говорю въ „Запискахъ“: я лично не обращусь за помощью къ только что кончившему врачу, не лягу подъ ножъ хирурга, дѣлающаго свою первую операцию, не позволю дать своему ребенку новаго, мало-испытанного средства, не позволю привить ему сифилисъ. Думаю, ни на что это не согласится и ни одинъ изъ врачей. Разъ же это такъ, то какъ можно скрывать все это отъ „непосвященныхъ“, какъ можно предоставлять имъ идти на то, отъ чего всякий „посвященный“ благоразумно уклонится?

Что профаны не въ состояніи разрѣшить поднимаемыхъ вопросовъ,—это совершенно вѣрно. Но профаны въ правѣ требовать разрѣшенія этихъ вопросовъ и интересоваться ихъ разрѣшеніемъ: дѣло слишкомъ близко касается ихъ. Даже больше,—гласное обсужденіе всѣхъ этихъ вопросовъ, по-моему, представляетъ единственную гарантію удовлетворительности ихъ разрѣшенія; если разрѣшать будутъ одни врачи, то они легко могутъ впасть въ большую или меньшую односторонность.

Мыѣ предъявляютъ еще другое обвиненіе. Одна

распространенная врачебная газета утверждаетъ, что я „непозволительно обобщаю единичные факты изъ врачебной практики“, что я, „неизвѣстно ради чего“, позволяю себѣ „несомнѣнныя преувеличения и чрезмѣрное сгущеніе красокъ“. Съ такимъ обви-неніемъ приходится, разумѣется, считаться самымъ серьезнымъ образомъ; къ сожалѣнію, оно высказано совершенно голословно, такъ что возражать на него довольно трудно. Возможность подобныхъ обвиненій я предвидѣлъ съ самаго начала и, въ прямой ущербъ изложенію, обильно уснастилъ свои „Записки“ цитатами, какъ мнѣ кажется, достаточно характерными и убѣдительными. Въ об-щай печати мнѣ даже пришлось встрѣтить упрекъ, что я „вдаюсь въ черезчуръ большія подробности“, и что „Записки“ мои „смахиваются временами на сценическую статью въ медицинскомъ журнале“. Если я не привожу еще больше подтвержденій правильности моихъ „обобщеній“, то во всякомъ случаѣ никакъ ужъ не за недостаткомъ такихъ подтвержденій.

P. S. Въ разныхъ мѣстахъ „Записокъ“ я называю по фамилиямъ больныхъ и врачей, съ которыми мнѣ приходилось имѣть дѣло. Въ виду обращенныхъ ко мнѣ запросовъ, считаю нужнымъ объяснить то, что и само по себѣ, казалось бы, совершенно ясно,—что въ беллетристической части „Записокъ“ не только фамилии, но и самыя лица, и обстановка — вымышлены, а не сфотографированы съ дѣйствительности.

ЗАПИСКИ ВРАЧА.

Я кончилъ курсъ на медицинскомъ факультетѣ семь лѣтъ назадъ. Изъ этого читатель можетъ видѣть, чего онъ въ правѣ ждать отъ моихъ записокъ. Записки мои—это не записки старого, опытнаго врача, подводящаго итоги своимъ долгимъ наблюденіямъ и размышленіямъ, выработавшаго опредѣленные отвѣты на всѣ сложные вопросы врачебной науки, этики и профессіи; это также не записки врача-философа, глубоко проникшаго въ суть науки и вполнѣ овладѣвшаго ею. Я—обыкновеннѣйшій средній врачъ, съ среднимъ умомъ и средними знаніями; я самъ путаюсь въ противорѣчіяхъ, я рѣшительно не въ силахъ разрѣшить многіе изъ тѣхъ тяжелыхъ, настоятельно требующихъ рѣшенія вопросы, которые возникаютъ предо мною на каждомъ шагу. Единственное мое преимущество,—что я еще не успѣлъ стать человѣкомъ профессіи, и что для меня еще ярки и сильны тѣ впечатлѣнія, къ которымъ современемъ невольно привыкаешь. Я буду писать о томъ, что я испытывалъ, знакомясь съ медициной, чего я ждалъ отъ нея и что она мнѣ дала, буду писать о своихъ первыхъ само-

стоятельный шагъ на врачебномъ поприщѣ и о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ мною изъ моей практики. Постараюсь писать все, ничего не утаивая, и постараюсь писать искренно.

I.

Я учился въ гимназіи хорошо, но, какъ и большинство моихъ товарищей, науку гимназическую презиралъ до глубины души. Наука эта была для меня тяжелою и непріятною повинностью, которую для чего-то необходимо было отбыть, но которая сама по себѣ не представляла для меня рѣшительно никакого интереса: что мнѣ было до того, въ какомъ вѣкѣ написано „Слово Даніила-Заточника“, чей сынъ былъ Оттонъ Великій, и какъ будетъ страдательный залогъ отъ „persuadeo tibi“? Развитіе мое шло помимо школы, помимо школы приобрѣтались и интересовавшія меня знанія.

Все это рѣзко измѣнилось, когда я поступилъ въ университетъ. На первыхъ двухъ курсахъ медицинскаго факультета читаются теоретические естественно-паучные предметы—химія, физика, ботаника, зоологія, анатомія, физіологія. Эти пауки давали знаніе, настолько для мене новое и настолько важное, что совершенно завладѣли мною: все вокругъ меня и во мнѣ самомъ, на что я раньше смотрѣлъ глазами дикаря, теперь становилось яснымъ и понятіемъ; и меня удивляло, какъ могъ я дожить до двадцати лѣтъ,ничѣмъ этимъ не интересуясь и ничего не зная. Каждый день, каждая лекція несли съ собою новыя для меня „открытія“:

я быть пораженъ, узнавъ, что мясо, то самое мясо, которое я ъмъ въ видѣ бифштекса и котлетъ, и есть тѣ таинственные „мускулы“, которые мнѣ представлялись въ видѣ какихъ-то клубковъ сѣроватыхъ нитей; я раньше думалъ, что изъ желудка твердая пища идетъ въ кишкы, а жидкая—въ почки; мнѣ казалось, что грудь при дыханіи расширяется *оттого*, что въ нее какою-то непонятною сплою вводится воздухъ; я зналъ о законахъ сохраненія матеріи и энергіи, но въ душѣ совершенно не вѣрилъ въ нихъ. Впослѣдствіи мнѣ пришлось убѣдиться, что и большинство такъ называемыхъ образованныхъ людей имѣетъ не менѣе младенческія представлѣнія обо всемъ, что находится предъ ихъ глазами, и это ихъ не тяготить. Они покраснѣютъ отъ стыда, если не сумѣютъ отвѣтить, въ какомъ вѣкѣ жилъ Людовикъ XIV, но легко сознаются въ незнаніи того, что такое угаръ, и отчего свѣтится въ темнотѣ фосфоръ.

Что касается анатоміи, то часто приходится слышать, какою тяжелою и непріятною стороною ея изученія является необходимость препарировать трупы. Дѣйствительно, некоторые изъ товарищѣй довольно долго не могли привыкнуть къ виду анатомическаго театра, наполненнаго ободранными трупами съ мутными глазами, оскаленными зубами и скрюченными пальцами; одному товарищу пришлось даже перейти изъ-за этого на другой факультетъ: онъ сталъ страдать галлюцинаціями, и ему казалось по ночамъ, что изъ всѣхъ угловъ компаты къ нему ползутъ окровавленныя руки, ноги и головы. Но лично я привыкъ къ тру-

памъ довольно скоро и съ увлеченіемъ просиживалъ цѣлые часы за пренаровкою, раскрывавшою предо мною всѣ тайны человѣческаго тѣла; въ теченіе семи-восьми мѣсяцевъ я ревностно занимался анатоміею, цѣлкомъ отдавшись ей, и на это время взглѣдъ мой на человѣка какъ-то удивительно упростился. Я шелъ по улицѣ, слѣдя за идущимъ предо мною прохожимъ, и онъ былъ для меня не болѣе, какъ живымъ трупомъ: вотъ теперь у него сократился *gluteus maximus*, теперь — *quadriceps femoris*; эта выпуклость на шеѣ обусловлена мускуломъ *sternocleidomastoideus*; онъ наклонился, чтобы поднять упавшую тросточку, — это сократились *musculi recti abdominis* и потянули къ тазу грудную клѣтку. Близкіе, дорогіе мнѣ люди стали въ моихъ глазахъ какъ-то двоиться: эта дѣвушка, — въ ней столько оригинальнаго и славнаго, отъ ея присутствія на душѣ становится хорошо и свѣтло, а между тѣмъ все, составляюще ее, мнѣ хорошо известно, и ничего въ ней нѣтъ особеннаго: па ея мозгѣ тѣ же извилины, что и на сотняхъ видѣнныхъ мною мозговъ, мускулы ся также насквозь пропитаны жиромъ, который дѣлаетъ столь непріятнымъ препарированіе женскихъ труповъ, и вообще въ ней нѣтъ рѣшительно ничего привлекательнаго и поэтическаго.

Еще болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ предлагаемыя запія, произвѣлъ на меня методъ, царившій въ этихъ знаніяхъ. Опъ вель впередъ осторожпо и неуклонно, не оставляя безъ тщательной провѣрки самой ничтожной мелочи, строго контролируя каждый шагъ опытомъ и наблюдe-